

Боссарт Алла

Как жаль, что статью
«Театральный роман
[комедия]» написала
Алла Боссарт.

Вот уже месяца полтора я собираюсь создать странички полторы рецензии на книгу Марка Розовского «Превращение». Конечно, можно бы и не писать. Уж столько выходит книг куда как более значительных. И ничего, обходятся без рецензии. Но Марк Розовский для меня — данность особая.

И дело не в том, что вот уже лет тридцать мы находимся в приятельских отношениях. Мы как раз видимся очень редко и по случаю. И дело не в том, что он необычайно талантлив. Знакомы, знаете ли, и с талантами погениальней.

А в том дело, что не знаю я, пожалуй, человека, так преданного театру, уже тридцать лет сжигаемого театром почти дотла.

Вот почему я замахнулся хотя бы на крошечную рецензию. Знаете, доброе слово и режиссеру приятно.

Но пока я собирался написать рецензию, в журнале «Столица» вышла статья Аллы Боссарт.

Лично я никогда не перелезал по ту сторону рампы. Там сложная жизнь. И, признаться, непонятная мне жизнь. Я знаю свое место — это зрительское кресло. Алла Боссарт совершила ошибку — она нарушила рубеж, она пересекла рампу и вошла за кулисы, то есть в дебри. Где невозможно не заплутаться.

Что же она там обнаружила? Она там обнаружила Марка Розовского: «Блистательная голова, насквозь театральное мышление, первое чудо студийности, лидер, смельчак, легенда. Ведь Розовский!» Я был бы не прочь найти такие точные слова. Женщины вообще пишут лучше мужчин. Когда пишут хорошо.

Вот и эта статья написана ярко. Во всяком случае очень выразительно воплощены образы трех (в хронологическом порядке) директоров Театра у

течко, чтобы я смотрел сидя. Ведь все проходы, выходы и закоулки у подоконников были заполнены зрителями. А может, Розовский придумывал эту «мизансцену», чтобы я не заметил, что «зал не заполнен».

Но при всех этих моих косвенных комплиментах факт остается фактом — от Розовского ушли три директора. Может, характерами не сошлись? Нет, все гораздо круче. Причины, оказывается, как бы и вне Розовского, как бы поглядывают на него сверху вниз. Оказывается, директор № 1 «умел лучше работать», чем Розовский. Директор № 2 «умел лучше зарабатывать». Директор № 3 «был слишком большой педант и чересчур острожноничал со своей подписью».

Слушайте, это же волшебная мечта! Если художественным руководителям театров вообще снятся сны, то они же в них грезят именно такими директорами.

И все-таки ушли. Хотя в данном случае и художественный руководитель, оказывается, «тоже кое-что умел делать

все время ссорится из-за зарплаты, из-за места в гостинице или в порядке поваренной реванности промееж собственных жен и мужей. Зрителю кажется, что эта его компетентность входит в стоимость билета. Впрочем, не без того — бои идут. Но в любой труппе, даже самой благополучной, идет нескончаемая битва за место в искусстве. И это благородно! Но больно.

И вот об этом подвижничестве и надо бы писать. Театры сейчас, мягко говоря, на распутье. Не знают, что ставить. Не знают, зачем ставить. Тут-то как раз можно бы и помочь им советом. А мои коллеги чем озабочены? Рыщут азартно в поиске скандала, изглодали себя неперменной иронией. Вот помчались со всех сторон к пепелищу Театра на Таганке. Вломились, не снимая галош, в семью. Жадно записывают — кто что сказал. Выносят приговор: кто прав — Любимов или Губенко?

Много лет назад я одним из первых написал еще о студийном спектакле «Добрый человек из Сезуана». Мне дорогой той молодой влюбленностью этот театр. Ему сейчас очень плохо. Так и оставьте его в покое.

Там все те же талантливые люди. Но нет Театра. Искра Божия покинула эту семью. Пора все начинать сначала. Только об этом надо было подумать гораздо раньше, чтобы не дожидать до того стыда, который сейчас тиражируют газеты.

Не надо в это лезть. Не надо об этом писать. Это неблагородно и неблагородно. В семье должна принимать решение сама семья. Без помощи любопытствующих соседей.

Надо все-таки понимать, зачем ты пишешь.

Вот почему я так огорчен статьей Аллы Боссарт. Тем более про Театр у Никитских ворот с его обычными триумфами и обыденными трагедиями. Нормальная закулисная жизнь.

Не надо было Алле Боссарт писать эту статью.

Не писать надо уметь. Газеты переполнены разухабистыми молодыми коллегами. У них длинные ноги и быстрые перья. Им хочется немедленно «прославиться» или хотя бы обратить на себя внимание. Им некогда думать — а зачем ты пишешь? Достойно ли это? Ну, пока с ними ничего не поделаешь.

Но ведь к мастеру это не может иметь отношения.

Я, к сожалению, не знаком с Аллой Боссарт. Но она для меня сейчас из наиболее интересных журналистов. Само чтение ее статей для меня удовольствие. В ней есть ум. Но это нынче у многих. В ней есть достоинство. А это всегда было редкостью.

Вот почему я сожалею о том, что она написала эту свою статью. Думаю, оств, она тоже будет сожалеть.

По моим правилам, я бы все это высказал ей изустно. Но она выступила публично. Не оставив и мне другого выхода.

Эдуард ГРАФОВ.

КАК ЖАЛЬ...

Культура. — 1992. — 9 мая. — С. 8

Никитских ворот, которые работали вместе с Марком Розовским. Я с ними не знаком, но верю, что Алла Боссарт не преувеличивает.

«Гигант менеджмента — Директор № 1... Директор с мозгами уолл-стритовского воротилы и дружескими связями во всех без исключения областях жизни».

«Директор № 2... толковый, оборотистый малый, в деталях знающий постановочную часть, театральный человек в полном смысле слова плюс море обаяния».

«Дотошный Директор № 3 — назовем его Педант».

И все они в гнев и возмущении поочередно покидают Марка Розовского.

Я вас прошу обратить внимание на прелюбопытнейший абзац:

«Несмотря на творческую, скажем так, стагнацию, на откровенную нерентабельность, материальная часть театра укрепляется. Всем резко повышена зарплата. Приобретается реквизит, инвентарь...»

Алла Боссарт не голословна. Она комментирует стагнацию, то есть застой, называя, на ее взгляд, спектакли-неудачи. Не станем бестактно возражать, у каждого свои впечатления.

Но вот что несколько озадачивает... Эта гадкая стагнация укрепляет материальную часть театра, всем резко повышает зарплату. Насколько я знаю, финансовые закрыта любого театра заполняются исключительно за счет выручки с билетов. Так что зрители лопались к Розовскому, чтобы злорадно насладиться стагнацией?

Но, оказывается, они и не лопались. Поскольку Алла Боссарт сообщает, что «зал не заполнен... пятидесятиместный зал в центре Москвы».

Какой-то я невезучий. Каждый раз, когда я приходил в Театр у Никитских ворот, его художественный руководитель с трудом выкраивал мне мес-

лучше других. Например, ставить спектакли». Тоже, знаете ли, в хозяйстве пригодится.

И все-таки ушли. Три прекрасных директора ушли, а всего лишь Розовский остался. Как странно, как странно!

Но Алла Боссарт развеяла мою озадаченность. Она подробно описала, какими кристально чистыми были директора и какой туман окутывал финансовый облик художественного руководителя. У меня нет данных не поверить Алле Боссарт, а сам я в этом разобравшись не берусь. Для этого есть специалисты в погонах. Однако, как я понял, наступили времена кристально трогательных коммерсантов и сомнительных творцов.

Да я и не про то!

Представьте, читаете вы статью о том, что в БДТ были три гениальных директора и где-то на их фоне еще и какой-то сомнительный Георгий Александрович Товстоногов. Впрочем, человек способный, который «умел ставить спектакли».

Ах, не надо, не надо ходить за кулисы! Там трудная жизнь. Все время вместе, по очереди впадают в истерики. А художественный руководитель при этом еще и командует. Трудно у них там, за кулисами, непонятно. В финансовые дела журналист еще может (если есть финансовые документы) вмешиваться. А вот в отношения между творцом и творцом — не надо! Это занятие праздное и неловкое. Все равно, что между мужем и женой со своими суждениями и предложениями втираться. Алла Боссарт, к сожалению, и в эту сферу заблудилась. Неосторожно поместила себя и во взаимоотношения внутри труппы.

В театре, сами знаете, сегодня — «бывшие друзья», а завтра — они же — «завтрашние». Это только зрителю дозволено думать, что актеры